

Река Баодай после осенних дождей напоминает шелковую ленту, что беззвучно устремляется вдаль.

Черноволосый юноша с удочкой в руках примостился под деревом у самого берега. Рядом стоит садок — совершенно пустой.

Неподалеку рыбачит мужчина средних лет. Время от времени он бросает рыбу в свой садок, потом моет руки и закуривает. Он бросает взгляд на соседа.

Юноша строен, черты лица тонкие, словно высеченные из камня. Его кожа до того бледна, что кажется прозрачной, а губы лишены всякого цвета. Выглядит он болезненно, будто вот-вот упадет в обморок.

Когда мужчина пришел сюда, парень уже сидел на этом месте. Прошло много времени, у мужчины садок полон, а у того — ни единой рыбешки. И все же в душе рыбака не возникло ни капли пренебрежения, скорее — искреннее изумление, смешанное с уважением.

Он собственными глазами видел, как юноша раз за разом подсекал рыбу, но, едва вытащив её из воды, тут же отпускал обратно. И так — весь день напролет. Непонятно, что он надеялся поймать, или, может, просто развлекался от нечего делать.

Вот юноша снова вытянул карася граммов на пятьсот и небрежно швырнул его обратно в реку. Мужчина лишь покачал головой, причмокнув от удивления: ни одного схода рыбы, как ему это удастся? Просто невероятно.

Мужчине хотелось подойти, завязать разговор, выведать секрет мастерства, но что-то его удерживало. Этот хрупкий, на вид совершенно немощный паренек внушал ему странный, необъяснимый страх. Чертовщина какая-то.

Вдруг раздался старомодный, резкий и пронзительный звонок телефона.

У мужчины от неожиданности дернулась сигарета. Он и сам-то считал такие мелодии пережитком прошлого, а тут — молодой парень. Но, что странно, в руках этого юноши телефон звучал вполне гармонично.

Черноволосый ответил на звонок. Из трубки донеслось невнятное бормотание:

— Чанъань, у меня ничего не вышло.

— Возвращайся домой и жди меня.

Гу Чанъань убрал телефон в карман, снял очки в черной оправе, сидевшие на узкой переносице, и потер уставшие глаза. Он тяжело и мрачно выдохнул: вышел из дома с утра, а до сих пор — ни одной стоящей добычи. День явно не задался.

В глазах окружающих Гу Чанъань просто рыбачит, но никто не знает, что его цель кардинально отличается от всех остальных. В этом скрыта великая тайна: он ловит не рыбу, он ловит ложь.

Вода — душа всех вещей. Стоит кому-то солгать, находясь у берега или поблизости, как река впитывает эту ложь, и в конце концов она оказывается в брюхе рыбы. Клан Гу обладает врожденным даром вылавливать таких рыб, чтобы затем, внимательно выслушав их, отыскать нужную ложь. Для других вероятность поймать рыбу лжи ничтожна, для Гу — стопроцентна. В нынешнем поколении от клана остался лишь Чанъань, и предсмертные слова старика до сих пор звучат в его ушах.

Плеск воды. Гу Чанъань вытащил серебристого карася, который отчаянно бил хвостом. Юноша наклонил голову, прислушиваясь к звукам, исходящим из рыбьего брюха:

— Дорогая, поверь мне, мы с Сяо Ли из компании — просто друзья! Конечно, я люблю только тебя!

Гу Чанъань, даже не глядя на рыбу, швырнул её обратно. Пустая ложь, не стоящая ни гроша.

Снова всплеск, и послышался приторно-сладкий женский голос:

— Милый, ты такой молодец, мне так хорошо, я тебя обожаю!

Плюх... Еще одна рыбина вернулась в реку.

Солнце клонилось к закату, а ценной лжи все не было. Между бровей Гу Чанъаня залегла тень раздражения, светлые губы плотно сжались. Черт, похоже, и сегодня ночью не удастся поспать.

В этой реке полно рыбы лжи, и за каждой скрывается чья-то история. Чанъаня интересовала лишь та ложь, что имела серьезные последствия, на остальное ему было плевать — не его дело, да и не до того ему. В конце концов, некоторые люди предпочитают жить во лжи.

Золотистые лучи закатного солнца легли на воду. Гу Чанъань собрался уходить, как вдруг поплавок снова дрогнул. Он подсек, натянул леску — попалась черная рыба длиной с палочку для еды, с блестящей темной чешуей.

Чанъань прищурился, прислушиваясь:

— Алло, это дядя Хэ? Я коллега Хэ Цзяня. Видите ли, он занял у меня тридцать тысяч, обещал вернуть в понедельник. А теперь звоню ему, а он говорит — денег нет, мол, обращайтесь к вам, родителям. Да, понимаю, все мы люди, если есть трудности, можно было сказать честно, но так поступать — это уже слишком. Что? Хэ Цзянь уехал в Юньнань? Когда? Всего пару дней назад? Ну хорошо, подождем, пока вернется. Нет, дядя Хэ, не извиняйтесь, деньги мне сейчас не к спеху. Ладно, до свидания.

Выслушав ложь, Гу Чанъань подался вперед и поднес рыбу к самому лицу, внимательно разглядывая. В глазах рыбы мерцал красный огонек — верный признак того, что она проглотила нечто особенное.

На губах Гу Чанъаня заиграла довольная улыбка. Отлично, наконец-то можно будет пару месяцев не есть рыбу.

Мужчина средних лет тоже начал собирать снасти. Проходя мимо, он не удержался и бросил взгляд на юношу. Гу Чанъань поднял веки и лениво усмехнулся:

— Дядя, вы сегодня уже столько раз посмотрели, еще не надоело?

Мужчина посмотрел на парня, чья улыбка казалась такой доброжелательной, но по спине пробежал холодок. Он судорожно сглотнул, не в силах вымолвить ни слова.

Улыбка мгновенно исчезла с лица Гу Чанъаня. Мужчина, затаив дыхание, вздрогнул, не говоря ни слова, схватил снасти и поспешил к своей машине.

Гу Чанъань отбросил игру и неспешно поехал домой. У ворот сидел человек — короткая стрижка, простодушное лицо. Услышав звонок велосипеда, он тут же вскочил. Высокий, широкоплечий, словно гора.

Гу Чанъань прислонил велосипед к стене:

— Опять ключи потерял?

У Дабин ответил:

— Нет, просто забыл взять.

Чанъань не стал спорить и молча бросил ему ключи. У Дабин, опустив голову, открыл дверь:

— Те люди притворяются, что их нет дома.

Гу Чанъань переступил порог:

— Сначала приготовь поесть.

У Дабин знал: как только Чанъань проголодается, настроение у него становится отвратительным. Он поспешил на кухню. Вскоре оттуда потянуло запахом еды.

У Дабин — приемный сын клана Гу. Известно лишь, что его фамилия У, больше о нем ничего не знают. Старик Гу был мудр: сын его с детства болезненный, вот и назвал его Чанъань — в надежде на вечный мир и покой. Имя У Дабину тоже дал старик. И человек оправдал имя: с самого детства он не болел ни разу, здоров как бык. Их имена, если сложить, означали: нет болезней, значит — долгая жизнь.

Старик Гу все просчитал: жизнь сына будет долгой, дел предстоит много, и опасности неизбежны. Ему нужен был верный человек рядом, и У Дабин подходил идеально. У Дабин никогда не задавал лишних вопросов, он просто слушался Гу Чанъаня.

В доме они жили вдвоем, распределив обязанности. У Дабин, человек прямолинейный и немногословный, брал на себя мелкую ложь, не требующую раздумий, а со сложными случаями разбирался сам Чанъань.

После ужина Гу Чанъань сел перед тазом с водой, уколол палец и капнул кровь. Чистая вода окрасилась в зловещий алый цвет. Черная рыба забилась в конвульсиях, и из её пасти выпал стеклянный шарик. Это и была ложь.

Чанъань быстро схватил шарик и засунул его в специальный флакон. Закрыв его пробкой, он убрал флакон в черный ящик у изголовья кровати. На лице его отразилась усталость.

— С этой рыбой сам разберись, — сказал он.

У Дабин подумал и ответил:

— Сварю суп, выпьешь, для здоровья полезно.

Гу Чанъань по-детски нахмурился:

— Не хочу я его пить.

У Дабин промолчал.

Гу Чанъань достал флакон, который отдал утром У Дабину, вытащил пробку и прислушался:

— Да как такое возможно? Я никогда не выбрасываю мусор из окна, всегда доношу до бака. Не знаю ничего, я после обеда спал дома.

Эта ложь была связана с травмой человека, на которого упал мусор, поэтому Чанъань и не выбросил её обратно в реку. У Дабин не смог довести дело до конца.

Гу Чанъань, закрыв глаза, откинулся в кресле-качалке, погружившись в раздумья. У Дабин сидел рядом, не смея нарушить тишину.

Вскоре Гу Чанъань, прихватив флакон, отправился к дому виновника. У Дабин последовал за ним.

Ночной воздух был пропитан холодом. У Чанъаня разболелась голова, он застегнул куртку до самого подбородка и натянул бейсболку:

— Жди здесь, через полчаса я тебе позвоню.

С этими словами он растворился в темноте. Район был старый, фонари светили тускло. Чанъань не стал тратить время зря: по звукам музыки нашел площадь, расспросил стариков, потом заглянул в управляющую компанию. Составив план, он вернулся за У Дабином и направился к двадцать девятому корпусу.

Квартира была на седьмом этаже, лифта нет. Чанъань с трудом поднимался по ступеням. Его лицо стало совсем бледным.

У Дабин подставил спину:

— Чанъань, садись, я тебя донесу.

Чанъань отказался, но к пятому этажу уже задыхался. У Дабин, волнуясь, шел следом, раскинув руки, на случай, если тот упадет.

Добравшись до седьмого этажа, Чанъань, весь в холодном поту, присел на корточки, хватая ртом воздух. Его губы посинели.

— Стучи, — прошептал он.

У Дабин постучал. Изнутри послышался голос:

— Кто там?

Он, как учил Чанъань, промолчал. Через десять секунд дверь приоткрылась, выглянула молодая женщина.

Чанъань поднял голову. В свете лампы его лицо, лишенное тени от козырька, казалось невероятно красивым и беззащитным. Женщина, потеряв бдительность, смущенно поправила волосы:

— Я... я обычно спрашиваю...

Чанъань перебил её:

— В прошлый вторник это вы выбросили мусор из окна.

Женщина вздрогнула:

— Что за бред!

Чанъань посмотрел ей прямо в глаза:

— Я видел.

Женщина попыталась захлопнуть дверь, но Чанъань просунул руку, не давая ей закрыться. В её глазах мелькнул испуг:

— Что вам нужно?

У Дабин помог удержать дверь.

Чанъань произнес негромко:

— Я живу напротив. В тот день я загорал на балконе и видел, как вы выбросили мусор, который ранил ребенка.

Женщина внутри себя закричала: не может быть! Если видел, почему сразу не сказал?

Чанъань добавил:

— У меня были срочные дела, только сегодня вернулся. Не ожидал, что вы так и не признаетесь.

Женщина сомневалась. В тот день она сразу ушла в гостиную и не смотрела на соседний дом. Она не знала, говорит он правду или лжет.

Чанъань продолжал без остановки:

— Женщина, выбрасывание предметов из окон — это не только аморально, но и преступно. Вы причинили вред здоровью, это уже правонарушение.

Лицо женщины стало белым как мел. Чанъань окинул её быстрым взглядом:

— Я узнавал, угрозы жизни ребенка нет. Лечение стоит три тысячи с лишним. Ваше ожерелье стоит не меньше десяти тысяч, платье — сотни, браслет — еще больше. Эти деньги для вас — сущие пустяки.

Женщина сглотнула. Этот человек оказался куда проницательнее, чем выглядел!

— Если будете отрицать, я обращусь в полицию, — Чанъань улыбнулся, продолжая уверенно врать: — Забыл представиться, я адвокат.

Женщина сначала испугалась, но потом приободрилась: адвокат — и что? Камер нет, проверка ничего не дала, в крайнем случае, отвечать будет весь дом.

— Верьте или нет, но мусор выбрасывала не я, — заявила она.

Чанъань посмотрел ей прямо в глаза, в которых не было ни тепла, ни жалости:

— Раз так, мне больше нечего сказать.

Вспоминая холодный, змеиный взгляд юноши, женщина почувствовала, как по спине пробежал мороз. Страх сковал её, и, не выдержав, она бросилась вниз по лестнице:

— Пойдите!

Как только она созналась, стеклянный шарик во флаконе треснул, превратившись в невидимую глазу энергию. Флакон стал чуть тяжелее. Чанъань потряс его, внутри послышался приглушенный стон боли. Один готов.

У Дабин все это время молчал. Чанъань потянулся:

— Наверное, ты считаешь меня самым большим лжецом на свете?

У Дабин покачал головой:

— Ты самый добрый человек на свете.

Чанъань усмехнулся:

— Глупый ты мальчик.

У Дабин по-доброму улыбнулся.

Глубоко под старым домом клана Гу скрывалось нечто иное. Посреди ночи Чанъань открыл механизм в кабинете и с флаконом в руках спустился в потайной ход.

Чанъань вернулся из подземелья довольно быстро и позвал У Дабина:

— У меня голова болит, пойдем со мной. Если я не выберусь через пятнадцать минут — спускайся за мной.

Они вошли в потайной ход и при свете свечи спустились в секретную комнату. Посреди неё был водоем, больше ничего.

Чанъань снял очки и обувь, вошел в воду и быстро исчез. У Дабин, как было велено, со свечой в руках остался ждать у края.

Чанъань плыл вглубь, прошел через тоннель слева и оказался в другом помещении. Комната была просторной, в центре стоял отломанный камень, излучающий мягкий свет. На стенах были выдолблены углубления, образующие символ. В каждом углублении стоял флакон: в некоторых энергия была на исходе, в других — почти полные.

Чанъань считал, что предки слишком усложнили задачу: кроме членов клана Гу, никто не видел этой энергии, так что красть её было бессмысленно.

— Апчхи! — Чанъань потер нос, пригладил мокрые волосы. Он бродил босиком по комнате, оставляя влажные следы. Пять флаконов оказались пусты, тринадцать — на дне, сорок девять — заполнены меньше чем наполовину. Это значило, что нужно поскорее разобраться с той ложью, что он добыл сегодня, иначе быть беде.

— Черт, — мрачно пробормотал Чанъань. — Люди на стройке хоть в дождь отдыхают, а я

круглый год без выходных, и ни копейки за это.

— Чанъань... — слышалось в голове.

Виски запульсировали. Снова галлюцинации: стоило ему захотеть отдохнуть, как старик начинал его звать.

Заменив два пустых флакона, Чанъань покинул тайную комнату, принял горячий душ, переоделся и лег в постель, закутавшись в одеяло. Холод в костях не отступал, причиняя ноющую боль.

Он посмотрел на У Дабина, стоявшего у кровати:

— Ложись рядом.

У Дабин снял верхнюю одежду и лег под одеяло. С детства он был полон янской энергии, его тело всегда излучало жар. Вскоре под одеялом стало тепло, и нахмуренные брови Чанъаня разгладились.

Он проспал до самого утра.

Во дворе было шумно: куры дрались, утки что-то обсуждали, а часть птиц воспользовалась суматохой, чтобы растащить утренний корм. Стоило Чанъаню выйти, как вся живность с криками бросилась врассыпную.

— Чего бежите? Я что, такой страшный... — Чанъань увидел У Дабина, и куры с утками, словно увидев мать, окружили его. — ...или что?

У Дабин направился на кухню:

— Сварил кашу, сейчас будет готова.

Чанъань фыркнул, глядя на птиц: видите, он вам не мать, это мой У Дабин.

Птицы были заняты спасением своих жизней. Из кухни донесся голос У Дабина:

— Чанъань, перед едой умойся и почисти зубы.

Чанъань скривился: думаешь, я сам не знаю?

Молодой господин был привередлив. Посмотрев на кашу со свиной печенью, он нахмурился:

— Почему утром это? Нельзя было просто белую кашу?

Да, господин любил простую рисовую кашу, без добавок.

У Дабин ответил:

— Белая каша не восстанавливает кровь, а эта — да. У тебя анемия, нужно есть.

Чанъань хмыкнул:

— Вечно ты так.

У Дабин жевал лепешку, его простодушное лицо выражало полную серьезность:

— Я не умею говорить красиво, но буду читать больше книг.

Чанъань подпер голову рукой:

— Дабин, неужели ты не считаешь меня невыносимым?

У Дабин покачал головой:

— Чанъань очень послушный.

Чанъань, чувствуя запах печени, поморщился:

— Все равно не буду есть.

Но, несмотря на стопроцентное нежелание, с нахмуренным лицом и ледяным видом он все же взял ложку и начал есть. У Дабин знал: как бы он ни ворчал, все равно съест.

Днем Чанъань отправился к виновнику лжи. Судя по информации, где бы ни был Хэ Цзянь — жив он или мертв — этот человек был единственной зацепкой. Нужно начать с него, ведь он владелец лжи, за которой наверняка скрывался неизвестный мотив.

За эти годы Чанъань разобрался со множеством подобных случаев. Сейчас нельзя было обращаться в полицию: если они решат, что это шутка, то начнут допросы и проверки, а это было совсем некстати.

<http://bllate.org/book/19143/1880123>